

История «экстремистских» слов в русском и в китайском языке

© Ши Ся (Китай), 2007

Русский и китайский язык имеют два общих слова китайского происхождения, которые метафорически используются для отрицательной характеристики лиц – хунхузы и хунвэйбин. История и современность этих слов весьма интересна.

Ю. Уфимцев в статье «Китайские слова в русском языке: есть и такие!» [Уфимцев 2006] рассматривает динамику изменений в процессе возникновения и исчезновения китайских слов на примере слова *хунхузы*, зафиксированного в «Кратком словаре иностранных слов» (М., 1952). «Хунхузы (кит.) – в прошлом вооруженные отряды бандитов, грабителей в Маньчжурии и Северном Китае, использовались различными империалистами в своих гнусных целях». ¹ В «Словаре русского языка» Ожегова 1973 года выпуска слово «хунхузы» отсутствует, как и в «Словаре иностранных слов» 1984 года. Но в последнем появляется слово «*хунвэйбины* – молодежные отряды, сформированные в Китае в 1966 году в начале так называемой культурной революции группой Мао Цзедун для расправы с негодными ей лицами, разгрома ранее созданных партийных государственных и общественных организаций». ²

Ю. Уфимцев излагает историю этих слов следующим образом: «Хунхузы (от китайского - *hong huzi* - красная борода) до 30-х годов терроризировали население Дальнего Востока и были постоянным раздражителем на подобию современных террористов. Являясь социальным раздражителем, частью социальной жизни общества того времени, они имели свое место и в языке. Но со временем хунхузничество было искоренено, и с его исчезновением ушло из словарей и само слово, обозначавшее специфическое социальное явление определенного периода <...> Впоследствии появившееся в Китае движение хунвэйбинов нашло свое отражение и в русском языке, – где в связи с антикитайской пропагандой активно использовалось как негативное определение. Однако в связи с изменением политической обстановки как в КНР, так и в России слово это также исчезло из русского лексикона и словарей» [Уфимцев 2006].

С последним утверждением позволим себе не согласиться. Данные Интернета указывают на активность метафорического использования

¹ Краткий словарь иностранных слов М.: «ГИИНС», 1952 с.437

² Словарь иностранных слов М.: «Русский язык», 1984 с.552

номинации «хунвэйбин» (или «хунвейбин»)³ в современной российской общественно-политической полемике. Так книга журналиста Дмитрия Жвани «Путь хунвейбина» не имеет никакого отношения к событиям в Китае, это, как гласит подзаголовок, – «Хроники последней русской революции». С другой стороны, движение «Единение» на своем сайте призывает выяснить: «Кто, как и для чего готовит хунвейбинов в России». И, наконец, ник *Хунвейбин* довольно популярен на форумах самой разной направленности.

Таким образом, политический опыт Китая вполне жив в сознании россиян и граждан бывшего СНГ, интересующихся политикой. Об этом свидетельствуют высказывания, подобные следующему на сайте <http://www.comunist.ru>:

Вспомните хотя бы опыт Китая. Когда возникла реальная угроза "бюрократической контрреволюции", Мао спокойно провел "революцию сверху", опираясь на учащуюся молодежь. Лукашенко, кажется, тоже на всякий случай готовит себе "хунвейбинов" в лице нового издания комсомола.

Резко отрицательная оценочность номинации *хунвейбин* в общественно-политической дискуссии, осознаваемая теми, кто эту номинацию употребляет, очевидна в следующем фрагменте интервью:

– *Вы просчитывали ситуацию по основным соперникам?*

– *Конечно. Зампред Законодательного собрания Дикин, депутат Госдумы Булавинов и мэр Лебедев, действующий мэр, которого все хотят заменить, плюс два хунвейбина.*

– *Этим словом, насколько я знаю, вы обозначаете тех, кто пользуется поддержкой полпреда президента Сергея Кириенко.*

– *Совершенно верно, он и есть главный хунвейбин. Бегаёт с китайской саблей. Конечно, он хотел бы, чтобы я его называл самураем или ниндзя. Но его прошлое четко коррелирует со словом «хунвейбин».*

<http://www.gzt.ru/politics/2002/07/04/185837.html>

Отрицательная номинация *хунвэйбин* контрастирует с также заимствованными наименованиями лица *самурай* и *ниндзя*, которым говорящий, отражая реальность русского языкового сознания, приписывает положительную оценочность. Для русского *самурай* – смелый, гордый, благородный воин, идущий в бою до конца.⁴ Для китайца – совсем на-

³ По нашему наблюдению слово «хунвэйбин» в русских словарях пишется через «э», тогда как в Интернете чаще через «е» – «хунвейбин».

⁴ Так было не всегда. В статье Ю.С. Костылева «Образ японца в советской массовой печати» рассказывается о возникновении отрицательной номинации японцев – самурай – в русском политическом дискурсе 1930-х годов: «В конце 1930-х гг. появляется ранее не использовавшаяся лексема *самурай*. <...> Наиболее частотной лексемой, характеризующей японца в этот период, становится лексема *самурай* и ее производные: "Проучить самураев. Не быть грязной самурайской ногой на священной советской земле" ("Бои у Хасана");

оборот. Мы, в китайском языке, используем слово *самурай* с отрицательной оценочностью. Самурай для нас – это тот, кто не брезгает никакими средствами, чтобы добиться своей цели, самурайство – ненормально. Услышав от русского коллеги характеристику кого-то как *самурая*, китаец поймет ее как характеристику негативную. Разумеется, корни нашего неприятия самурайства лежат в истории отношений Японии и Китая. Факт состоит в том, что носитель китайского языка, читая приведенный фрагмент интервью, не воспримет номинацию *самурай* как позитивную альтернативу наименованию *хунвейбин*.

Рассмотрим еще один пример. Статья «Независимой газеты» от 28.02.2005, посвященная съезду движения «Наши», называется «Наши хунвейбины». Окончание этой статьи ярко свидетельствует о том, что слово *хунвейбин* употребляется ее автором, как и большинством журналистов, прибегающих к нему, исключительно как отрицательный политический ярлык, без всякого проникновения в его суть. Журналисту потребовалось «красное словцо» для названия публикации, и он выбрал слово, благодаря которому у российского читателя должна возникнуть яркая ассоциация, не обращая внимание на то, что как раз хунвейбинам обшусждаемое молодежное движение противопоставляется:

Эксперт по молодежным движениям, содиректор Центра новой социологии и изучения практической политики «Феникс» Александр Тарасов не исключил, что *«Наши» могут раскрутиться «за счет повышенного радикализма и попытки обкатать на себе новую идеологию, которую власть пытается выработать после Беслана»*. В разговоре с корреспондентом «НГ» политолог предположил, что *«они постараются более четко разыграть эту карту – правую, имперскую идеологию, основанную на поиске внешнего врага»*. Из слов Тарасова следует, что будущее «Наших» видно по первым шагам: *«Если их предшественники печально прославились контактами со скинхе-*

"Пусть знают гнусные японские самураи..." ("Правда" 4.08.38). При использовании этой лексемы актуализируются национальная и социальная составляющие образа врага. Самурай - представитель привилегированной части общества (ср. в ТСУ: Самурай. Член привилегированной военной касты Японии (истор.). Следует заметить, что использование лексемы *самурай* является более удачным с пропагандистской точки зрения, поскольку она актуализирует не только указанные элементы образа, но и подчеркивает - через принадлежность его к "военной касте" - его природную агрессивность и опасность. <...> В текстах классовая принадлежность самурая отходит на задний план, во всяком случае, образ японца не раздваивается по социальному признаку, как мы видели это ранее в образах поляка и финна. Так что, учитывая и классовую составляющую образа японца, названного *самураем*, следует признать, что ведущими здесь являются элементы, отражающие национальную принадлежность и агрессивную сущность противника. При этом интересным кажется то, что такое - связывающее ее с событиями у Хасана - значение лексемы *самурай* указывается в ТСУ (Самурай // преимущ. мн. Название, данное советским народом японской военщине, осуществляющей политику империалистических захватов (нов. презр.).». [Костылев 2007: 42]

дами, которых они пытались использовать в качестве кулачной силы, то здесь они бьют сами». Выбранное новым движением название «имеет историческую отсылку к имперско-патриотическому движению Невзорова «Наши», – уверен политолог. – Уже видно, что это следующий шаг в сторону таких классических образцов, как ранние молодежные организации в историческом раннем фашизме». Он сравнивает «нашистов» с отрядами «Ардити» – движением фронтовиков при Муссолини, молодыми «фалангистами» франкистской Испании и молодежными союзами при военных диктатурах Южной Кореи. Аналогий с хунвейбинами Тарасов пока не проводит, поскольку они создавались под конкретную задачу – бороться с противниками Мао Цзэдуна внутри китайской Компартии. «Им надо было сделать так, чтобы у Мао в принципе не было никаких соперников ни по какому пункту и чтобы не было никакой линии аппарата, которая могла бы ориентироваться не на Мао, а на кого-то другого», – поясняет он.

К статье прилагается справка «Из досье «НГ», объясняющая слово *хунвейбин*⁵, но несмотря на это объяснение, очевидно, что для тех носителей русского языка, в основном среднего поколения, которые знают и употребляют это слово, оно является семантически ослабленным. О том, что восприятие слова *хунвейбин* у среднего носителя русского языка содержит не более двух смысловых компонентов из четырех возможных (*революция / молодежь / экстремисты / ангажированные правительства*), свидетельствуют как приведенные выдержки из СМИ, так и следующая цитата из дискуссии по поводу событий вокруг Бронзового солдата в Эстонии на форуме <http://forum.globalrus.ru>: *Хунвейбин – это тот, который громит. Если не громит – то не хунвейбин...* Вообще, использование номинации *хунвейбины* в связи с событиями в Эстонии в Интернет-дискуссиях было крайне активно. Разу-

---

⁵ «Красная гвардия председателя Мао» – так называли себя школьники и студенты, принявшие активное участие в начавшейся в 1965 году «культурной революции» в Китае. Перевод термина (*хунвейбин* – «красногвардеец») позволяет понять, на каких примерах воспитывалась тогда китайская молодежь. Мао Цзэдун и его сторонники призвали молодежь бороться с «людьми, находящимися у власти и идущими по капиталистическому пути». Таковых оказалось много: от соперников председателя в высшем руководстве Компартии Китая до широких кругов руководителей и профессуры вузов и школьных учителей. Формой борьбы стали массовые «митинги критики», на которых хунвейбины издевались над своими жертвами, избивали их. Отряды хунвейбинов действовали практически во всех государственных учреждениях, научных и учебных организациях. Хунвейбины выполнили возложенную на них миссию и были распущены в 1969 году. Позднее, после смерти Мао Цзэдуна и устранения от власти группировки сторонников его жены Цзян Цин, многие главы группировок хунвейбинов были преданы суду за совершенные ими преступления. Молодежь, участвовавшую в этом движении и в результате недоучившуюся, ныне в Китае называют «потерянным поколением».

меется, резко активизировалось «забытое» слово *хунвейбин* и в русском языке Украины во время и после «оранжевой революции»:

Единственным правильным вариантом, на наш взгляд, является вариант убеждения всех появляющихся в ваших городах галицийских хунвейбинов в их неправоте. А появятся они обязательно
<http://www.ari.ru>;

Я бы не хотел, чтобы сегодня Николай Томенко превратился в хунвейбина, а Оксана Билозир - в помаранчевого кхмера
www.obkom.net.ua

Таким образом, можно констатировать, что китаизм *хунэйбин(ы)* продолжает свою жизнь в русском языке, закрепившись за общественно-политической речевой сферой. Он «просыпается», когда возникает повод для его метафорического употребления в целях номинации молодежного движения или политического деятеля и его «группы поддержки». Это слово употребляется для отрицательной характеристики какого-либо движения или деятеля как экстремистского так и ангажированного правительством. В современном китайском языке это слово функционирует как историзм, его нельзя использовать в общественно-политической дискуссии для метафорической отрицательной характеристики оппонента. Об этом следует помнить переводчикам, бизнесменам и другим носителям русского языка, работающим с китайцами.

Иная история у слова *хунхузы*, действительно исчезнувшего из современного русского языка. Но мы опять же готовы дискутировать с точкой зрения российского исследователя и данными словарей, им приведенными.

Первоначальное значение в слова «хузы» (胡子) – это «борода». Люди начали употреблять это слово в значение «разбойники» во времена династии Мин (с 1368 по 1644 гг.), когда северные национальные меньшинства уже назывались людьми «ху»⁶. Слово «ху» возникло еще раньше, в эпоху первой императорской династии Цинь (221 до н. э. — 206 до н. э.), так как в известной книге этого времени «Анналы шести стран» написано: «<...> на севере строили великую стену, чтобы защищать себя от нашествия людей «ху»». К северным национальным меньшинствам принадлежали кочевники гунны, тюрки и другие нации.

Во время правления династии «Мин» грабежи со стороны «ху» усилились и стали одним из самых страшных бедствий народа. Люди называли этих разбойников «хузы». Другая версия гласит: когда разбойники совершали грабежи, на их лицах были надеты красные маски, чтобы их не могли узнавать. Третья версия утверждает: с севера совершали набеги волосатые русские бандиты, они часто грабили, убивали людей, жгли

---

⁶ См. сборник исторических дневников Сюй Кэ «Цин бай лэй чао. Разбойники. Хузы.». издательство «Шан У». Шанхай, 1916.

их дома около границы, китайцы ненавидели и боялись русских, они называли их «хунхузы». «Хун» по-китайски – это красный цвет. У русских волосы светлые, рыжеватые. А у большинства русских мужчин тогда были большие бороды. Русские выглядели в глазах китайцев очень страшно. Со временем за русскими разбойниками закрепилось прозвище «хунхузы». Заметим, что китайцы до сих пор называют русских «маозы» («волосатые») с такой же пренебрежительной окраской⁷, как русские называют китайцев «узкоглазыми». Следует учесть, что мы сознаем, что это наименование (*маозы*) грубое, «некрасивое», тем не менее оно употребляется шире, чем *узкоглазый* в русском языке. Последнее слово образованный культурный русский не употребит, тогда как *маозы* между собой используют все китайцы.

Как уже говорилось выше, в китайских словарях, как и в русских, «хунхузы» определяются как «участники вооруженных банд, действовавшие в Маньчжурии с середины 19 в. до победы революции в Китае (1949)». Кроме того, в китайских словарях есть еще дополнительная информация: «русские преступники, которых сослали на Дальний Восток, часто бежали через китайскую границу, соединялись с местными бандитами и совершали грабежи. На морозе цвет лица русского человека обычно розовый или красный, поэтому все бандиты (и китайские, и русские) получили прозвище «хунхузы» или просто «хузы»».

Местный чиновник, живший во времена последней китайской династии Цин (1644-1911) – У Чао – в своих дневниках «Куань чэн суй би» («Очерк о жизни города «Куань чэн»») написал: «Северные конные бандиты называются «хунхузы». Когда появилось это название неизвестно. Одни говорят, что северные разбойники пользовались самодельными ружьями, сверху которые были украшены красными помпонами с бахромой. Когда они стреляли, то убирали красный помпон, держа его во рту. Людям издалека эта красная бахрома казалась как красной бородой. Другие считают, что когда бандиты грабили, они специально красили свои бороды в красный цвет, и поэтому получилось это название. Красная маска – красная борода – «люди с красной бородой», – *хунхузы*. Третьи полагают, что это были русские преступники с Дальнего Востока, которые грабили население вместе с местными бандитами. Люди называли их «красными бородами». Какая версия настоящая, никто не знает. Сегодня название «хунхузы» вообще обозначает северные разбойники».

Итак, слово «хунхузы» умерло в русском языке, а в китайском оно продолжает жить, развив дополнительные значения: хулиган, бандит,

---

⁷ Древние китайцы долго считали себя самой цивилизованной нацией. Странная внешность русского (человек с зелеными глазами, большим носом, рыжими, обильными волосами и красным лицом) напугала китайцев. Китайцы считали их дикими людьми, которые бегают по полям, гоняют за животными и едят сырые мяса.

экстремист, варвар. Слово «хунвэйбин» умерло в китайском языке из желания вычеркнуть эту печальную страницу из китайской истории. А может быть потому, что велика законопослужность китайского народа, которому советуют сверху забыть эту историю и это слово. В русском же языке слово «хунвэйбин» продолжает жить, обрастая дополнительными значениями – (не просто китайский «красногвардеец») хулиган, политически ангажированный экстремист, радикал и под. – и негативной оценочной окраской.

Проведенное нами сопоставление двух имен в русском и китайском языке позволяет не только сравнить историю и сегодняшний день данных конкретных слов, но и обнаружить общую механику именованности соседей у наших народов. Важность подобных сопоставлений словарных данных в двух языках и анализ реального употребления номинаций состоит в том, что представители любого народа, находясь в кругу своего языка, принимают его интерпретацию мира как данное и редко задумываются о том, что возможны другие интерпретации⁸. Мы убеждены, что обмен межъязыковой и межкультурной информацией между Россией и Китаем приведет к лучшему взаимопониманию между народами двух стран.

Л и т е р а т у р а

1. Китайско-русский словарь «Shangwu yinshuguan». Beijing, 1992.
2. Костылева Ю.С. Образ японца в советской массовой печати // Политическая лингвистика. Выпуск (1)21. Екатеринбург, 2007.
3. Крысин Л. П. Иноязычное слово в контексте современной общественной жизни // Русский язык конца XX века. М., 1996.
4. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Советская энциклопедия, 1973.
5. Осокин Г.М. Московия на Востоке. М.: ДИ Танаис, 1996.
6. Словарь иностранных слов. М.: Русский язык, 1984.
7. Сюй Кэ. Сборник исторических дневников «Цин бай лэй чао. Разбойники. Хузы». Шанхай: Издательство «Шан У», 1916.
8. Толковый словарь русского языка. В 4 томах / Под ред. проф. Д. Н. Ушакова. М., 1935-1940.
9. Уфимцев Ю. С. Китайские слова в русском языке есть и такие! 2006
10. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 томах. М.: Прогресс», 1986-1987.
11. У Чао. «Куань чэн суй би» Цзи Линь, 1912.

---

⁸ Так, мне, филологу, долгое время проработавшему в СНГ, не было известно, что русские знают и используют слово *хунвейбин*, пока я не занялась им в процессе работы над диссертацией.